

ББК Ш5(2)6-334 + Ю931
УДК 821.161.1-311.1 + 82.091

С. А. Минин
S. Minin
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
«ПАТОЛОГИИ»
THE ELEMENTS OF PSYCHOLOGY IN THE NOVEL «PATHOLOGIES»
OF ZAHAR PRILEPIN**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению романа Захара Прилепина «Патологии» в аспекте реализации в произведении психологизма. В работе рассматриваются приёмы и примеры психологизма.

Ключевые слова: психологизм; Захар Прилепин; «Патологии».

Abstract: The article is devoted to consideration of the novel «Pathologies» of Zahar Prilepin in aspect of realization in the work of psychology. In the paper receptions and examples of psychology are considered.

Keywords: psychology; Zahar Prilepin; «Pathologies».

Захар Прилепин в своём дебютном романе «Патологии» показал личность «наедине с собой», когда внешняя оболочка отпадает и спасти личность от деградации и уничтожения могут лишь непреходящие фундаментальные ценности жизни – любовь, дружба, непреложная ценность своего Я, своего внутреннего Ребёнка.

Главный герой романа Егор Ташевский принадлежит поколению, юность которого проходила в конце 80-х и в 90-е годы – во время, когда прежние, казалось бы, устойчивые ценности рушились на глазах, а новых нравственных ориентиров не возникало. Это время духовного кризиса общества, крушения привычных форм жизни, размывания границ между добром и злом, поисков новых путей развития, тотального кризиса власти, считающей оптимальным путь решения конфликтов силовыми методами. Это время, когда пройти все эти испытания и соблазны мог человек, имеющий глубинные фундаментальные ценности, служащие опорой в трудную минуту, и при этом остаться человеком, не подвергнуться распаду личности.

Показать все эти вещи во всей их полноте в литературном произведении – задача непростая. Прилепина интересует, как все эти проявления кризиса отражаются в сознании человека, как влияют на него и благодаря чему личность не распадается. Естественный путь художника в этом случае – воспользоваться психологизмом как наиболее удачным приёмом отражения реальности; психологизм – основная стилевая доминанта романа Прилепина. Как отмечает А. Б. Есин, «... в центре внимания писателя стоит неповторимая человеческая личность и то,

что составляет её глубинную основу, – идейно-нравственная, философская сущность характера. Такая проблематика, которую можно назвать идейно-нравственной, требует для своего воплощения психологизма как художественной формы» [1, с. 24].

Основная форма психологического изображения внутреннего мира Егора, используемая Прилепиным, – образы памяти, воображения и самое важное – внутренний монолог – один из главных приёмов психологизма, «... в большей или меньшей степени имитирующий реальные психологические закономерности внутренней речи» [3]. Психологизм – основной стилеобразующий фактор романа «Патологии».

В сущности, Егор – бесконечно одинокий человек. У него нет близкого, родного человека, способного понять, обогреть его сердце. В разговоре с сослуживцем он признаётся:

«– А у меня батя помер... Я из интернатовских, – зачем-то говорю я Хасану, в том смысле, что и без папани люди живут. – И мать меня тоже бросила, я её даже не помню... – добавляю бодро» [4, с. 35]. Предательства в жизни героя следуют одно за другим, первой его предала мать – казалось бы, самый близкий и родной человек, но Егор не озлобляется, не замыкается в себе, его душа не черствеет, он жизнелюбив, несмотря ни на что; это врождённое жизнелюбие помогает ему выжить в самых непростых ситуациях. Любовь к Жизни разлита по всему роману, это важнейшее достижение Прилепина как художника – жизнеутверждающее начало в романе выведено художественно точно.

Детства (в его понимании как счастливого начала жизни) у Егора по сути не было. Предательство матери, ранняя смерть отца, пребывание в интернате искалечили душу ребёнка. Неслучайно, что в снах взрослого Егора отсутствует весна как олицетворение лучезарного детства: «Сны мне снились одни и те же. Сны состояли из запахов.

Влажно и радужно, словно нарисованный в воздухе акварелью, появлялся запах лета, призрачных ночных берёз, дождей, коротких, как минутная работа сапожника, нежности. Затем густо и лениво наплывал запах осени, словно нарисованный маслом, запах просмолённых мачт сосен и осин, печали. Белый, стылый, неживой, нарисованный будто бы мелом, сменял запах осени вкус зимы» [4, с. 18]. Отображение сна в художественном произведении позволяет «... раскрыть подсознательные процессы, игру сознания, неподконтрольную разуму» [1, с. 135].

В глубине души Егор всегда надеялся, что мама вернётся (неважно, в каком облики) и безусловно примет его: «...я мечтал, что сейчас зайдет мама, которая бросила нас, когда мне было несколько месяцев» [4, с. 37].

Отец – очень важная фигура в жизни Егора, он его бесконечно любит: «... потом он выходил из запоя и приезжал за мной. Я был счастлив. Однако за шесть лет мне так ни разу и не пришло в голову, что я обожаю отца...» [4, с. 41].

Однако отец умер, когда Егору было шесть лет, и уход отца воспринимается мальчиком как его предательство, как месть чего-то высшего, что забирает близких существ: «... после похорон я пришел домой, поставил кипятить чай, взялся подметать пол. Потом бросил веник и под дребезжанье ржавого чайника написал

на стене: „Господи блядь гнойный вурдалак“, – я вспомнил, как пишется буква „в“» [4, с. 43].

Огромное значение с позиций психологизма играет в романе дворняга Дэзи. Она стоит в сознании мальчика в ряду близких существ: «Я исписал стену на кухне своим именем, а также именами близких: отца – „Степан“, нашей собаки – „Дэзи“, деда по матери – „Сергей“, который жил в небольшом городке, километрах в ста от нас» [4, с. 36], на подсознательном же уровне отождествляется с матерью и Дашей как женским началом в жизни Егора. Ассоциативная связь матери и Дэзи в подсознании Егора подчёркивается фразой «...иногда на улице начинала лаять Дэзи, и я мечтал, что сейчас зайдет мама, которая бросила нас, когда мне было несколько месяцев» [4, с. 37]. Когда мальчик возвращается из больницы от умирающего отца в опустевший дом, он пытается отогнать от себя ужас наступившего одиночества, обращаясь к единственному близкому существу: «Я не пошёл спать к соседке, а лёг спать с Дэзи, взяв её в дом. Она слезла с кровати и забралась под неё, – она тогда уже была в обиде на меня» [4, с. 43]. Но Дэзи, как и мать, предаёт мальчика: «... мне хотелось ее немедленного раскаянья, мне хотелось, чтобы Дэзи кинулась ко мне подлизываться, подметая грешным хвостом землю, а она – натворила и наутёк» [4, с. 79]; во взрослой жизни Егора так же предаст и Даша. «Я побежал за ней, гнал её до пруда – зачем-то мне хотелось спихнуть собаку в воду, омыть её» [4, с. 80] – надежда на очищение, возвращение чего-то родного не покидает мальчика. Но это что-то родное утеряно: «... вечером она вернулась. Я вышел к ней, Дэзи брезгливо посмотрела на меня. С тех пор она только так и смотрела на меня, брезгливо» [4, с. 80]. Впоследствии, при посещении кладбища, где похоронен отец, Егор осознаёт своё полное одиночество: «... она казалась усталой и неродной. У меня так мало осталось близких душ на свете, честное слово, мало. Мне так хотелось, чтобы Дэзи дружила со мной, мне ведь не было ещё и десяти лет, и что ещё у меня оставалось?» [4, с. 303]. Егор чист душой, он искренне не понимает, почему от него отворачиваются близкие: «... моё сердце сжималось от жалости к моей собаке. Хотелось затащить её к себе на колени, обнять. Но она б наверняка начала вырываться, не поняв, чего я от неё хочу, мазнула б мне по брючкам грязной лапой, спрыгнула б обратно. И соседи мои посмотрели бы на меня осуждающе, а старухи начали бы выговаривать за то, что я измазал одежду, матери теперь стирка...» [4, с. 304].

Во взрослой жизни Егор встретил Дашу – свою первую любовь. «Какой же она ребёнок, господи, какая у меня девочка, сучка, лапа» [4, с. 28], – здесь Прилепин проводит в сознании Егора параллель между Дашей и Дэзи.

Даша любит Егора по-своему, телесно, но ему этого мало, он хотел бы, чтобы она его любила сердцем. «В течение ночи Даша стягивала с меня одеяло и накручивала его совершенно невозможным образом на ножки. Просыпаясь от озноба, я некоторое время шарил в полусвете руками, хватался за край, за угол одеяла, тянул на себя пододеяльник и засыпал, ничего не добившись. Спустя полчаса садился на диване, потирая плечи и ёжась. Чтобы завладеть своей долей одеяла, необходимо было разбудить её. Разве можно?

Я наврал, что не ходил курить. Постоянно ходил. Синее пламя конфорки, холодная табуретка» [4, с. 27], «...липкая компания пирожных безобразно заполняли купленный здесь же, в булочной, пакет, измазывая легкомысленным кремом суровую спину одинокой ржаной буханки» [4, с. 57] – в этих деталях Прилепин передаёт невыразимую тоску одиночества Егора. Егор неосознанно пытается разглядеть в Даше свою маму, насытить сердце тем теплом её души, которое он недополучил в детстве, ощутить её безусловную любовь.

«– Я люблю тебя, – говорил я.

– И я тебя, – легко отвечала она.

– Нет... Я люблю тебя патологически. Я истерически тебя люблю...

– Там, где кончается равнодушие, начинается патология, – улыбалась она.

Ей нравилось, что кровоточит.

В те дни у меня начались припадки. Я заболел» [4, с. 142].

Его отношение к героине походит скорее на отношение сына к матери, чем мужчины к женщине:

«Подходя к её квартире, я каждый раз не в силах был нажать звонок и присаживался на ящик.

Я говорил слова, подобные тем, что произносила мне воспитательница в интернате: „Ра-аз, два-а, три-и... – затем торжественно, – больше! – с понижением на полтона, – не! – и, наконец, иронично-нежно, – пла-ачем!“

Сидя на ящике, я повторял себе: "Раз! Два! Три! Думаем о другом!"

О другом не получалось» [4, с. 144].

«Ну зачем она? А? Зачем она так? Что она? Что она, не могла, что ли, как-нибудь по-другому? Господи мой, не могу я! Дай мне что-нибудь моё! Только моё!» [4, с. 144].

В этих словах – захлёбывающийся крик внутреннего Ребёнка, зовущего мать, которая от него отреклась, предпочла кого-то другого вместо него.

«Когда мы были вместе, Даша спасала меня от моих ужасов. Но, вернувшись к себе домой, один я не справлялся с припадками. Валялся дома, смотрел в потолок. Вскрикивал, клал себе на шею пудовую гантель, начинал отжиматься. Отжимался и кричал:

– Рраз! Два! Три! Ррраз! Два! Три!

Потом снова лежал на диване, руки на сгибах локтей алели – отжимаясь, я рвал капилляры. Потом выпивал стакан водки и снова лежал» [4, с. 202].

В непростые моменты войны, минуты душевных потрясений Егор вспоминает Дашу, мысленно произносит её имя как заклинание против злых духов, – так вспоминают воины перед боем самого родного человека – мать:

«Переворачиваюсь на бок, лбом к стене прижимаюсь, как же мне тошно. „Завтра бой“. Где-то я слышал эти слова. Ничего в них особенного никогда не находил. А каким они смыслом наполнены неиссякаемым. Сколько сотен лет лежали так ребятишки на боку, слушая тяжелое уханье собственного сердца, помня о том, что завтра бой, и в этих словах заключались все детские, беспорядочные, смешные воспоминания, старые хвостатые мягкие игрушки с висящими на длинных нитях, оторванными в забавах конечностями, майские утра, лай собаки, родительские руки, блаженство дышать и думать... Даша... – и все это

как бульдозером задавливало, задавливает, вминает во тьму то, что завтра» [4, с. 168].

В тяжелые минуты Егор вспоминает о Даше, эти воспоминания, даже простое упоминание её имени позволяют герою выжить: «... серьёзные, грузные, внимательные гуляки, мы пересекаем пустыри и тихие безлюдные кварталы.

Очень страшно, очень хочется жить. Так нравится жить, так прекрасно жить. Даша...» [4, с. 61].

«„А я ведь человека убил“, – думаю устало и не знаю, что дальше надо думать.

„Человека убил“, – повторяю я, словно вслушиваясь в эхо, но эха не слышу.

– Егор, часы есть? Будешь до трёх дежурным. Обходи посты, чтоб никто, как вчера... После трёх тебя сменят, – это говорит Столяр. Киваю.

Сижу на корточках, медленно докуриваю. Понимаю, что Столяр не видит, как я кивнул, но говорить лень.

„Даша“.

„Где-то есть Даша“.

„... есть Даша?“» [4, с. 290].

Как отмечает известный психолог Л. А. Китаев-Смык, «... сознание бойца концентрируется на том, что происходит и произойдет „здесь и сейчас“. О прошлом не думается. Оно важно лишь тем, что накопило для выживания сейчас. Будущее эфемерно, в него надо "пролезть" через узкое "отверстие" текущего мгновения» [2, с. 45].

Важную деталь вносит Прилепин в эпизоде с девушкой: «Где-то посередине города зачем-то остановились. И здесь мы впервые увидели вблизи девушку, в юбке чуть ниже колен, в короткой курточке, беленькую, очень миловидную, с чёрной папочкой. Так все и застыли, на неё глядя.

– Я бы ее сейчас облизал всю, – сказал тихо, но все услышали, Дима Астахов. В его словах не было никакой пошлости.

Девушка обернулась и взмахнула нам, русским парням, красивой ручкой с изящными пальчиками.

Некоторое время я физически чувствовал, как ее взмах осеняет нас, сидящих на броне. За городом подул ветер, и всё пропало» [4, с. 112].

По мнению Л. А. Китаева-Смыка, «... в боевой обстановке с обилием Смерти любая женщина воспринимается эмоционально обострённо потому, что она потенциальная женщина-мать, она может и возможно будет рожать детей – новых людей на место погибших» [2, с. 43]. Девушка как бы благословляет бойцов на Жизнь, но особое значение этот взмах приобретает для Егора.

Пройдя ад войны, Егор возвращается к мирной жизни, усыновляет полуторагодовалого мальчика. Он наконец-то обретает себя в этом ребёнке. Мальчик его безусловно принимает, он любит его беззаветно, не ставя никаких условий любви. Егор словно вновь рождается на свет: «... не помню, как очутился на поверхности воды. Последние мгновения я двигался в полной тьме, и вокруг меня не было жидкости, но было – мясо, кровавое, тёплое, сочащееся, такое уютное, сжимающее мою голову, ломающее мне кости недоразвитого склизлого черепа... Был слышен непрерывный крик роженицы» [4, с. 12].

Пройдя чистилище войны, возвратясь словно из бессознательного бреда всеобщего помрачения рассудка, Егор обретает сознание: «... даже не знаю, чем я шевелил, дёргал, дрыгал на этот раз, какой конечностью – хвостом ли, плавниками, крыльями, но уже не мог я, увидевший солнце, покинуть его снова. И оно явилось мне» [4, с. 13].

Егор обретает твердь, вновь возвращается к Жизни:

«Вскоре меня подхватили чьи-то руки и нас втащили в лодку.

– Дайте ребёнка! – попросила меня женщина в белом халате. Лодочник без усилия разжал мои руки.

Всхлипывая, я смотрел за женщиной. Она заново творила жизнь ребёнку. Через несколько минут у него изо рта и из носа пошла вода» [4, с. 14].

На протяжении всего романа Егор переживает достаточно тяжёлый опыт поисков личностной истины. Он испытывает напряженные нравственные искания, связанные с душевными драмами, страданиями, трагизмом. Егор проверяет своё отношение к миру и людям и решает вопрос о личной нравственной ответственности, в нём постоянно идёт внутренняя работа души, он часто спорит с самим собой во внутреннем монологе.

В итоге этой мучительной внутренней работы герой приходит к определённой правде жизни. Это «... живое, эмоционально насыщенное, очень конкретное и личностное отношение героя к миру» [1, с. 27] и составляет суть психологизма Захара Прилепина.

Таким образом, мы рассмотрели приёмы психологизма, используемые автором в романе, на конкретных примерах. Прилепин использует прямую форму психологического изображения – «... непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни» [1, с. 14], показывает несоответствие внешнего состояния героя внутреннему, приводит воспоминания, сны и видения, вводит внутренний монолог (и его разновидность – поток сознания). Использование этих приёмов позволило Прилепину создать живой «... художественно убедительный образ личности, её идейно-нравственной сути» [1, с. 19], в полной мере воплотить в произведении идейно-нравственную проблематику.

Библиографический список

1. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы : учебное пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
2. Китаев-Смык, Л. А. Стресс войны: Фронтные наблюдения врача-психолога / Л. А. Китаев-Смык. – М., 2001. – 80 с.
3. Психологизм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий ; под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – 1600 стб.
4. Прилепин, Захар. Патологии / Захар Прилепин. – М. : АСТ, 2015. – 349 с.